

НАШІ ГОСТІ

Вабищевич А. Н.

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ УКРАИНЦЕВ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ В 1921 – 1939 гг.

По Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. западно-полесский регион вместе со всеми западнобелорусскими и западно-украинскими землями отошёл к Польше. В Полесском воеводстве, охватившем большую часть его территории, согласно сфальсифицированным данным переписи населения 1921 г., украинцы составляли 6,6 % (63808 человек) от всего населения [1, ф. 1, оп. 9, д. 45, л. 25]. Кроме того, необходимо учитывать часть полешуков-«тутейших», которые не имели ещё окончательно сформированного национального сознания. Формально международные обязательства Польши, декларированные ею конституционные гарантии для т. н. национальных меньшинств (украинцев, белорусов и др.) обнадеживали. Так, согласно условиям Рижского мира, польская сторона обещала им свободное национально-культурное развитие, исполнение религиозных обрядов. «Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право в рамках внутреннего законодательства пользоваться своим родным языком, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и создавать для этого товарищества и союзы» [2, с. 34.]. Это вполне отвечало положениям Версальского трактата, к которому Польша присоединилась 28 июня 1919 г.

Однако многообещающие надежды на нормальное национально-культурное развитие не оправдались. Стратегической целью Польского государства стала инкорпорация Западной Украины и Западной Беларуси, ассимиляция их населения. Основные программы полной инкорпорации и федерализма отличались между собой только методами и темпами осуществления этого. Поэтому не случайно, что и в Бресте с огромными препятствиями легализовывалась «Просвита».

При активном участии врача, впоследствии посла польского сейма В. Дмитриюка в марте 1923 г. после многочисленных проволочек польские власти зарегистрировали устав «Украинского культурного товарищества «Просвита Полесья» с центральной управой в Бресте. Целью организации являлось «развитие просвещения и подъём культурного положения украинского населения Полесья» [3, с. 3]. В составе правления организации были П. Лещинкович, Г. Дрозд, А. Туровский, Н. Маланчук, М. Ольховый, П. Артемук, Н. Крижановский. Среди основателей товарищества были также В. Криницкий, М. Пантелевич, Н. Горщарук, В. Соловий, М. Шийко, Т. Олесиук и др. Украинский посольский клуб, в который входил В. Дмитриюк, неоднократно требовал открытия украинских школ на Полесье, Холмщине, Подляшье, трудоустройства безработных учителей и т. д.

Однако польская администрация отказывалась удовлетворять данные требования.

Товарищество развернуло широкую агитационную деятельность в сельской местности. В Брестском, Кобринском, Сарненском и других южных уездах Полесского воеводства были открыты библиотеки-читальни, драмкружки, организован хор. В Бресте была в 1924 г. открыта частная 7-классная украинская школа имени О. Стороженко. Именно с Брестом и его пригородом были связаны последние годы жизни украинского писателя Олексы Стороженко (1806 – 1874 гг.). Деятели товарищества «Просвита Полесья» наладили связь с руководством «Просвиты» во Львове, украинскими представителями в польском сейме и сенате. Уже в конце 1923 г. в Брестском уезде был открыт филиал благотворительного общества «Рідна хата».

Несмотря на первоначальную малочисленность своих рядов, украинские организации наряду с белорусскими вызвали беспокойство у польских властей. Как отмечалось в отчете управления Полесского воеводства об общественно-политической ситуации в июне 1923 г., «акция украинских деятелей против польской начальной школы поддерживается украинским населением, в некоторых местностях падает на хорошую почву» [1, ф. 67, оп. 1, д. 364, л. 27].

Через два месяца опять констатировалось, что «среди кресовых национальных меньшинств обострилась ситуация, ... школьные власти являются объектом нападков со стороны украинских и белорусских деятелей» [1, ф. 67, оп. 1, д. 364, л. 127]. «Антигосударственный» характер организации был представлен и в отчете корпуса охраны пограничья (ДОК-IX) за 1923 г. «Стремлением украинских самостийников является независимая Украина. Это движение более опасное, чем большевизм, поскольку его руководители являются людьми интеллигентными, преимущественно с высшим образованием. ... Организация вообще очень активная, успешно развивает агитацию по деревням. В этом особенно отличаются попы (священнослужители) и учителя украинского происхождения. Чем дальше на юг, тем сильнее деятельность «Просвиты». На этих территориях агитаторы ведут себя очень враждебно, просто вызывающе, явно настраивают население против Польши. Кроме Бреста, опорными пунктами «Просвиты» являются Пинск, Лунинец, Сарны» [1, ф. 67, оп. 1, д. 17, л. 25]. Приведённая характеристика совпадает с оценкой украинского движения на территории соседнего Волынского воеводства в отчете уже другого корпуса охраны пограничья (ДОК-2). В нём рекомендовалось «сдерживать создание украинской интеллигенции, которая является главным двигателем украинского сепаратизма» [4, с. 186]. Поэтому польские власти начали активно использовать репрессивные меры против украинских активистов.

Препятствия для развёртывания украинского движения создавали также шовинистически настроенные представители русского

меньшинства. Русские монархисты не считали украинское (как и белорусское) движение самостоятельным. Между ними и «Просвитой» возник серьёзный конфликт в Бресте из-за помещения старой церкви.

Несмотря на препятствия, украинское культурно-просветительское движение продолжало набирать темп. В течение 1925/26 учебного года в единственной украинской школе в Бресте было организовано 5 выставок, несколько торжественных мероприятий в честь Т. Шевченко, И. Франко, О. Стороженко, проводились общеобразовательные курсы для взрослых [5, 1926. 8.8].

После принятия польским сеймом 31 июля 1924 г. «Закона о языке и организации школьного дела для национальных меньшинств» на Полесье была проведена кампания по составлению деклараций об открытии украинских школ. Однако она натолкнулась на огромное противодействие как со стороны местной администрации, так и польских политических партий, культурно-просветительских организаций (ППС, Польского школьного товарищества (Polska Macierz Szkolna) и др.). Господствующие позиции занимали польские школы. В 1925/26 учебном году польские начальные школы составляли в Полесском воеводстве 98,6% [6, с. 21]. В учительском корпусе лица украинской национальности были представлены единицами. Польские власти фактически проигнорировали желание непольского населения иметь школы на родном языке. К 1928/29 учебному году на Полесье отсутствовали белорусские и украинские государственные начальные школы. Незначительные уступки режима «санации» несколько не изменили ситуацию. В 1930/31 учебном году в Полесском воеводстве статус государственных, кроме польских, имели 1 белорусская, 10 польско-белорусских начальных школ. В 30 польских школах изучался белорусский язык как предмет, а также существовало несколько польско-украинских школ [7, с. 34]. Поэтому «Просвите» пришлось на свои скудные средства содержать единственную среднюю украинскую школу в Бресте, заниматься просветительской работой.

В целом, нельзя преувеличивать реальное влияние украинского просветительского движения на общественно-политическую обстановку в западнополесском регионе в первой половине 1920-х годов. Хотя организация и набирала силу, но ее социальная база ещё была узкой. Только с активизацией национально-освободительной борьбы в Западной Украине и Западной Беларуси со середины 1920-х гг. она расширила своё влияние, укрепила авторитет.

С установлением режима «санации» после майского (1926 г.) государственного переворота в Польше положение в области культуры, образования непольского населения коренным образом не изменилось. Административно-полицейский аппарат взял на вооружение политику государственной ассимиляции, где важное значение

придавалось польским школам. На конференции попечителей школьных округов в Варшаве 22 – 24 июня 1927 г. подчеркивалось, что образование превратилось в политический фактор. Все существующие частные школы должны были постепенно исчезнуть при преднамеренном ограничении (вплоть до закрытия) их работы со стороны Польского государства. «Частное образование законом разрешено, однако мы должны так качественно и количественно организовать государственное просвещение, чтобы общественная школа стала нуждой, а частная – излишком» [8, ф. 172, оп. 1, д. 1459, л. 6].

Свой вклад в культурную жизнь Полесья вносили и представители украинских эмигрантских кругов. Отдел Украинского центрального комитета в Бресте являлся одним из крупных в Польше. Брестский отдел УЦК регулярно проводил торжественные мероприятия в честь Т. Шевченко, С. Петлюры, Ю. Пилсудского, организовывал чтение лекций по истории Украины. Немалое значение придавалось благотворительным акциям (сбору средств для бездомных детей и др.).

Вместе с культурно-просветительским движением активизировалась и политическая активность украинского населения. 11 июля 1926 г. в Бресте состоялся региональный съезд Украинского социалистического объединения «Сельсоюз», в котором участвовало около 200 человек. «Съезд единогласно утверждает, что с варшавским переворотом трудное положение украинских крестьян на Полесье не изменилось к лучшему совсем ... Земельные, школьные, культурно-национальные и хозяйственные нужды украинских крестьян нарушаются далее» [5, 1926. 25.7]. Принятая резолюция содержала радикальные требования: обеспечить демократические свободы и права, амнистировать политзаключенных, отменить осадничество, ликвидировать крупное землевладение, наделить крестьян землей, распустить сейм и сенат. Съезд потребовал также открытия украинских школ, высказал протест против насильственной колонизации украинских детей в польских школах и т. д. Эти и другие требования были включены в резолюцию, принятую в начале сентября 1926 г. на митинге в местечке Мотоль Дрогичинского уезда [5, 1926. 26.9].

Национально-освободительный характер имела деятельность образованного в 1926 г. Украинского крестьянско-рабочего социалистического объединения «Сельроб». Эта радикальная организация имела влияние преимущественно среди сельской бедноты и батраков. Она выступала против социального угнетения, за конфискацию и национализацию земли, демократические права и свободы, ликвидацию национальной дискриминации, рабоче-крестьянское правительство, самоопределение и объединение всех украинских земель в границах единой республики крестьян и рабочих. Вскоре в Полесском воеводстве «Сельроб» имел окружной комитет, 7 уездных комитетов, 109 кружков, которые насчитывали 1,5 тыс. че-

люлек [9, ф. 351, оп. 1, д. 16, л. 12 – 13]. Наиболее многочисленные кружки были в Брестском, Кобринском, Пинском уездах. «Сельроб» также имел влияние в Дрогичинском, Столинском и населённых преимущественно украинцами Камень-Каширском и Сарненском уездах.

Влияние на активизацию национально-освободительной борьбы оказывали также Белорусская крестьянско-рабочническая Громада (имела свои кружки в Пружанском, Коссовском, Пинском, Лунинецком и других уездах Полесского воеводства) и Компартия Западнй Беларуси. На выборах в польский сейм в марте 1928 г. деятели «Просвиты» оказали поддержку «Сельробу». Представители «Сельроба» плодотворно сотрудничали в рамках леворадикального сеймового блока с послами белорусского клуба «Змаганне». Они совместно проводили политические кампании, выступали общим фронтом на выборах в местное самоуправление в южных уездах Полесского воеводства [1, ф. 1, оп. 6, л. 574, л. 128, 132; л. 822, л. 32, 36]. Парламентские фракции клуба «Змаганне» и «Сельроба» часто выступали совместно против национального угнетения белорусского и украинского народов. Украинский клуб разработал законопроект об организации просвещения непольского населения, но он был отклонён [10, 1929. № 1, с. 66 – 69]. Избранный по списку «Сельроба-левицы» в Брестском округе Иван Грецкий вошел в состав белорусского посольского клуба «Змаганне».

Результаты выборов в местные органы власти в 1923 и 1927 г. также свидетельствуют об активизации украинского движения. В 1923 г. наибольшее украинское представительство на территории Полесского воеводства имели сеймики Дрогичинского (70,8 %; из 24 человек – 17 украинцы), Брестского (60,5 %; из 48 членов – 29 украинцы) Камень-Каширского (50 %) и Сарненского (34,6 %) уездов. На выборах 1927 г. доля украинцев в составе уездных сеймиков по всему воеводству увеличилась до 30,3 % по сравнению с 23 % (1923 г.), а доля поляков соответственно уменьшилась с 35,5 % до 30,3 %. Особенно усилились позиции украинцев в сеймике Кобринского уезда (с 2,8 % до 50 %), небольшое пополнение наблюдалось в Дрогичинском уезде (до 75 %). При этом ослабли позиции в Брестском уезде (до 41,6 %) [10, № 6, с. 797 – 798, 800 – 801]. Аналогичная тенденция наблюдалась и при выборах в гминные рады. Например, в 1927 г. в Кобринском уезде в Сехновицкой гмине было избрано 9 украинцев и 1 поляк, Рагозьянской – 8 украинцев и 2 поляка, Озятской – 9 украинцев и 1 поляк, Городецкой – 12 украинцев и 1 еврей, Прусовской – 12 украинцев, Антопольской – 8 украинцев и 4 еврея и т. д. [11, 1927. 31.7].

Прошедшие на выборах в органы местного самоуправления активисты «Сельроба» настойчиво добивались открытия украинских школ. Украинские представители дважды пытались принять решение о публикации распоряжений магистрата в Бресте как на польском.

так и украинском языке, но безуспешно. В принятой 24 марта 1927 г. декларации они заявили, что по-прежнему будут бороться «со всеми проявлениями денацио-нализации украинского населения, особенно в школьном и внешкольном воспитании» [5, 1927. 8.5].

В феврале 1927 г. в Бресте состоялся съезд региональной «Просвиты», который подвёл итоги её организационного роста. Председателем съезда был избран В. Криницкий, в состав нового правления вошли П. Артемук (директор украинской школы им. О. Стороженко), Н. Горшарук, И. Олексюк [12, 1996. № 1, с. 1–2].

Используя легальные возможности работы через «Просвиту», деятели «Сельроба» переходили в ее кружки, библиотеки-читальни. Это позволило «Просвите» создать собственную сеть местных структурных единиц. В 1928 г. насчитывалось 112 кружков «Просвиты» (1601 человек), 1929 г. – 127 (1754 человека) в Брестском, Кобринском, Дрогичинском, Пинском, Столинском и Пружанском поветах. Эффективно работали поветовые управы в Бресте и Кобрине. В Бресте проводились общеобразовательные и кооперативные курсы. Была продолжена пропагандистская акция по открытию украинских школ. Школьная кампания не имела большого успеха, потому что на всех уровнях власти не открывали польские учебные заведения [1, ф. 1, оп. 9, д. 46, л. 69].

Активисты-украинцы организовывали на местах кооперативы, центры национальной культуры («Рідна хата»). Самодеятельные художественные коллективы налаживали театральные постановки. Также распространялась пресса на украинском языке – «Діло», «Сельроб», «Наше життя» и др. [13]. «Просвите» удалось создать к началу 1929 г. на территории Полесского воеводства 127 библиотек-читален. Они не имели «антигосударственный характер» (по определению польских полицейских властей), потому что занимались не только просветительством, но и политической агитацией, распространением идей социального и национального освобождения.

Кроме гонений со стороны польских властей, «Просвита» испытывала огромные финансовые трудности. Преимущественно незажиточные крестьяне-украинцы не могли внести большие средства для её поддержки. А необходимо было содержать украинскую среднюю школу в Бресте, собирать деньги на строительство там народного дома. К тому же «Просвита» лишилась собственного помещения – Полесская православная консистория выселила её из братского дома. Определённую помощь оказывали организации украинские послы, центральная рада «Просвиты» во Львове, западноукраинские политические партии. Материальную поддержку оказывали и с востока – из Советской Украины. Так, в представленном для обсуждения на заседании Бюро ЦК КП(б)У проекте сметы расходов на украинскую работу за границей (документ датируется

6 января 1927 г.) среди прочего обозначены деньги на содержание средних школ в Бресте и Пинске (по 400 рублей одновременно), организацию там же сельскохозяйственных школ (по 3 тыс. рублей), сооружение народного дома в Бресте (4 тыс. рублей), организацию «Просвита» в Кобрине и Пинске (по 200 рублей) [14, с. 269-270].

Репрессии со стороны польских властей имели негативные последствия для «Просвиты». Особенно усилились преследования в начале 1930-х годов. В 1930 г. уцелели только 79 кружков «Просвита» (1534 человека), на следующий год – 56 (1031 человек) [1, ф. 1, оп. 9, д. 46, л. 69]. Позиции этой легальной культурно-просветительской организации подрывались также политическим экстремизмом коммунистов, которые стремились придать ей революционный характер. Это негативно повлияло на национально-освободительную борьбу – привело к расколу культурно-просветительских организаций (ТБШ, «Просвита»), сужению фронта их деятельности [15, с. 41]. Это осуществлялось при целенаправленной организационной, финансовой поддержке КПЗБ и КПЗУ со стороны Коминтерна и ВКП (б) [16, с. 193].

Режим «санации» использовал данную ситуацию для нанесения очередных ударов по «Просвите». В подтверждение этого приведём выдержку из отчёта польских властей. «После того, как было собрано достаточное количество материалов, однозначно свидетельствующих о тесном контакте отдельных кружков «Просвита» с членами КПЗБ, служба безопасности потребовала от главного руководства убрать из товарищества подрывные элементы под угрозой прекращения деятельности всей организации» [12, 1997. № 2, с. 3]. Под давлением административно-полицейских властей руководитель «Просвита» на Полесье» А. Базылевич вынужден был 1 июня 1932 г. закрыть 30 библиотек-читален. В 1933 г. были ликвидированы все сельские библиотеки-читальни – осталась только 1 в Бресте. Такая же участь постигла и кружки – осталось только 2. Фактически с этого времени «Просвита» в Полесском воеводстве пришла в упадок. Критическим было положение единственной украинской школы в Бресте. Прекратил свою деятельность «Сельроб», запрещённый в сентябре 1932 г. Руководители управы «Просвита» обращались за финансовой помощью во Львов – в «Рідну школу», Земский ипотечный банк, товарищество «Дністро», к украинским парламентариям. Небольшую поддержку в виде кредита предоставил также Украинский кооперативный банк (Брест). Инициатором «Рідну школу» осенью 1932 г. акция по открытию украинских школ на Полесье не увенчалась успехом из-за отсутствия там её низовых структур. Протест против закрытия кружков «Просвита» (как и ТБШ) высказала в январе 1933 г. группа белорусских писателей, публицистов, что объединялись вокруг радикальной «Белорусской газеты» [17, ф. 200, оп. 2, д. 12, л. 156].

В 1930-е годы западнобелорусская интеллигенция пыталась наладить более тесные контакты с западноукраинскими организациями, в том числе с «Просвитой» во Львове. Созданный в Вильно двумя западнобелорусскими культурно-просветительскими организациями (Товариществом белорусской школы и Белорусским Институтом Хозяйства и Культуры) Школьный секретариат 17 июля 1936 г. обращался к «Просвите», журналу «Рідна школа» во Львове за помощью в деле защиты интересов белорусов в прессе, польском сейме и сенате (там не было белорусских представителей) [18, ф. 883, оп. 1, д. 115, л. 59 – 60]. Однако тогда так и не удалось организовать тесного сотрудничества в деле совместной борьбы против национально-культурной ассимиляции белорусов и украинцев.

Таким образом, упадок «Просвиты» на Полесье имел отрицательные последствия для национально-культурной жизни местных украинцев. В этом регионе в середине 1930-х гг. не осталось ни одной структуры, которая бы могла выступить против насильственной полонизации, отсутствовали украинские школы. В отличие от Волыни, где воевода Г. Юзевский планировал создать своеобразный «украинский Пьемонт» [19, с. 330], польские власти Полесского воеводства (особенно воевода В. Костэк-Бернацкий) разрабатывали и практически реализовывали планы по усилению полонизации и ассимиляции украинского, белорусского населения. Тесная связь с радикальными украинскими и белорусскими национально-освободительными партиями и организациями позволила «Просвите» создать в Полесском воеводстве во второй половине 1920-х – начале 30-х гг. разветвлённую сеть собственных кружков, библиотек и одновременно попасть под удар полицейско-административной машины. Однако вместе с другими политическими партиями и организациями товарищество настойчиво боролось против денационализации украинского населения, заботилось о сохранении его историко-культурного наследия.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (Брест).
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. – Минск, 1962. – Т. 1.
3. Статут Українського Товариства «Просвіта» на Поліссі. – Вгеньж п/В, 1928.
4. *Dzieje najnowsze*. – 1992. – № 1/2.
5. *Наше життя* (Хелм).
6. *Вабішчэвіч А. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.)*. – Брэст, 2004.

7. Gašiorowski Z. Szkoła na Polesiu na tle stanu i potrzeb szkolnictwa Rzeczypospolitej. – Brześć n/B, 1930.
8. Центральный государственный архив Литвы (Вильнюс).
9. Центральный государственный архив Украины (Львов).
10. *Sprawy narodowościowe* (Warszawa).
11. *Селянський шлях* (Хелм).
12. *Берестейський край* (Брест).
13. *Павлюк І.* Українська легальна преса Волині, Полісся, Холмщини та Підляшшя 1917 – 1939, 1941 – 1944 рр. – Львів, 2001.
14. *Винниченко І.* Українці Берестейщини, Підляшшя й Холмщини в першій половині ХХ століття: Хроніка подій. – Київ, 1997.
15. *Ладысеў У.* Выпрабаванні часам і жыццём // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. – № 4.
16. *Касцюк М.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. – Мінск, 2000.
17. Государственный архив Гродненской области (Гродно).
18. Национальный архив Республики Беларусь (Минск).
19. *Polska odrodzona 1918 – 1939: Państwo – społeczeństwo – kultura* / Pod red. J. Tomickiego. – Warszawa, 1982.

Резюме

Вабіщевіч О.М. Суспільно-культурне життя українців у Поліському вояводстві у 1921 – 1939 рр.

Стаття присвячена культурно-просвітницькому та суспільно-політичному життю українського населення на території Полісся у 20-30 рр. ХХ ст. Особлива увага звертається на діяльність «Просвіти», «Сільроба» та інших організацій, політичних партій у даному регіоні. Визначені основні фактори, що впливали на ефективність роботи структур «Просвіти», щодо збереження духовної спадщини українців, протидії колонізації. Матеріал підготовлено автором за сприяння Білоруського республіканського фонду фундаментальних досліджень.

Литвинова Т. Ф.

НЕНАДРУКОВАНІ ПАПЕРИ М. П. ПОЗЕНА

В історії української суспільної думки першої половини ХІХ ст. дуже мало місця відведено аналізу такої важливої для того часу проблеми як «селянське питання», оскільки традиційно увага фахівців зупинялася і зупиняється зараз переважно на сюжетах, пов'язаних з суспільно-політичним та національним рухом. Констатуючи, що саме «селянське питання в дореформений період було одним з найгостріших